

В одном краю на востоке республики в славном старинном граде Усть-Каменогорске я познакомился с другим очень интересным, очень увлеченным своей работой человеком. И долгий разговор наш начался с воспоминаний детства. — Я родом из глубинки,— улыбнулся директор Усть-Каменогорского этнографического музея Николай Алексеевич Зайцев.

— Живет на белом свете такой поселочек Карагайка в Челябинской области... Детство в Карагайке, мне кажется, сыграло какую-то роль в том деле, которое я для себя выбрал...Детство навсегда остается с нами. Разве может забыть Николай Алексеевич широкие, словно распахнутые навстречу простору улицы. Золотые шары в палисадниках. За околицей, за прозрачной речкой Кидыш озаренные светом березовые колки. Звук двухрядки над вечерними крышами. Четкий журавлиный клин в осеннем низком небе.

В Восточно-Казахстанскую область в Лениногорск Зайцев приехал после школьной скамьи. Старшая сестра, переехавшая на Рудный Алтай первой, писала, какие тут замечательные места. Но в городе горняков Николай прожил недолго. Его вызвали в горком комсомола и послали в небольшую деревню Бутаково организовать там библиотеку. Шел парню тогда восемнадцатый год. Что такое деревня Бутаково? Это несколько десятков рубленых деревянных домов. Дымки над банями по субботам. Стены потемнели от дождя, ветра, крутых морозов. Окружают деревню крутые горы с синими от пихтачей склонами. Весной все белеет вокруг от цветущей черемухи. Бьется о валуны, закипает злой пеной у подножия скал Ульба. Нечасто увидишь такую красивую природу. Недолго проработал Зайцев в библиотеке. В местной школе не хватало учителей. Николаю Алексеевичу предложили вести уроки математики. Может быть, потому что и сам еще не отошел душой от школы, он быстро нашел контакт с ребятами. Дело пошло, и вскоре ему поручили вести дополнительно литературу и историю.

Говорят, что «господин случай» часто становится нашей судьбой. Но, может быть, мы долго и целенаправленно идем к этому. Но только последний толчок запоминается нам, и тогда мы начинаем говорить — «господин случай». Однажды по дороге из школы Николай Алексеевич заглянул в сельский магазинчик. Продащица где-то подзадержалась. У закрытой двери толпились люди. Неторопливо шагая к магазину, подошел старый лесник. Николай Алексеевич невольно обратил внимание на его обувь. На ногах старика было натянуто что-то вроде сапог с длинными кожаными голенищами и

без каблуков. Голенища туго перехватывали у колен тонкие сыромятные ремешки. Одна из пожилых женщин добродушно рассмеялась.

—Посмотрите, люди добрые, на деде-то бутылы! Где же ты их, старый, выкопал?

— А удобно так,— ответил старик.

Николай Алексеевич с интересом рассматривал необычную обувь старика. Только сегодня он рассказывал на уроке об истории местного края в классе и чувствовал, что слова его звучат как-то неубедительно, словно рассказывал он о чем-то очень далеком и отвлеченном. А история -вот она, сама пришагала в бутылках к сельмагу

Одна из женщин сказала, что у них на чердаке, кажется, валяются такие же дедовские бутылы. Николай Алексеевич быстро повернулся к ней:

— А вы не могли бы подарить мне эти... бутылы?

— Так пошто же тебе, молоденькому? -изумилась женщина. — Ты же учитель наш? Так? В щиблетах тебе ходить полагается. Но если требуются, то и заberi...

Сейчас вспоминая тот 1968 год, Николай Алексеевич говорит, что ему казалось «музейным бумом» была охвачена вся страна. Да, тогда впервые громко заговорили

о памяти. В школах, на заводах и фабриках, в небольших городках чаще всего стихийно создавались уголки памяти, музею боевой славы, трудовых подвигов. Решил создать свой школьный музей и Николай Алексеевич Зайцев. И только когда он сказал ребятам, что надо собирать предметы

старины и первые экспонаты, дети принесли ему прямо в класс, он скорее интуитивно, чем профессионально (это пришло после) почувствовал, какие глубины народной жизни открываются перед ним!

Потом учитель со своими учениками прошел по многим окрестным деревням и селам — Поперечное, Зимовье, Орловка, Черемшанка. Но корни все-таки оставались в Бутаково. Удивительно интересно было открывать для себя свою же родную землю. Сколько же тайн хранила она для жаждущих познать.

Когда-то, спасаясь от жестокого крепостного ярма и религиозных преследований «никонианцев», двинулись в "незнаемый" суровый край российские мужики. Они, сохраняя веру, искали легендарную страну счастья и доли Беловодье. Круто обходились с ними власти. Раскольников преследовали, гнали, оттесняя во все более труднодоступные места. Во второй половине XVIII столетия добрались они до Алтая, На берегах горных рек и озер срубили раскольники первые избы. Суровый порядок жизни установили в своих общинах старообрядцы. Вот эта невидимая, но крепкая стена, которую они воздвигли между собой и обществом гонителей, помогла до наших дней сохранить древнерусские обычаи, старинную одежду, предметы быта.

Лет пятьдесят назад довольно известный ученый этнограф А. Новоселов в очерке «У старообрядцев Алтая» писал: «Жизнь вырвала кусок старой Руси и забросила его за каменную стену к подножию снеговых вершин. И за этой стеной старина держалась до последних дней. Но волны новейшей культуры побороли преграду. Алтайски старая Русь умирает, вырождается, и надо спешить с всесторонним изучением ее.

Но, конечно, поначалу Николай Алексеевич Зайцев не ставил ни перед собой ни своими школьниками столь высокой цели, ну просто хотелось заинтересовать историей своего края, создать кружок, может быть, потом школьный музей. В этой «внеклассной» работе он сам мудрел и приходил к пониманию того, что великое чувство Родины рождается от любви к этим не густым осиновым перелескам, резных наличникам на чисто вымытых окнах, вышитых старинным полотенцам, теплым летним вечером над Ульбой, густым черемуховым рощам, похожим весной на облака, хлеб, который выпекли руки матери. На школьном комсомольском собрании Николай Алексеевич и говорил ребятам об этом. Может быть немного путанно, но от всей души. И он, пораженный, удивился тому ответному щедрому чувству, что выплеснулось на него. На следующее утро двое ребятшек притащили в класс резное деревянное блюдо и толстую книгу в порыжелой кожаной обложке. Николай Алексеевич осторожно отомкнул темные бронзовые застёжки и увидел тонкую буквенную вязь. Это был рукописный старообрядческий

псалтырь.

На деревне в тот год самым популярным словом стало слово — «экспонат». Чего только не несли ребята в свою школу учителю истории! Тут были и старые ржавые клещи, и глиняные плошки, удивительной красоты, бабушкины сарафаны с вышивкой и кружевами, женские сапожки, ленты, бусы, расписное прясло, тяжелая наковальня. Тот год Николай Алексеевич Зайцев вспоминает с доброй мечтательной улыбкой.

-Первым нашим «научным» консультантом стала школьная техничка Матрена Львовна Яковлева. Человек чудесной души. Она нам разъясняла, что за предметы несли ребята в школу. Для каких надобностей людских они нужны. И что главное. Я ведь приехал в деревню чужой, «мирской». Поначалу после меня в иных избах дверные скобы мыли. А тут люди сами шли навстречу. Отдавали дорогое, памятное... Они поняли, что мы хотим сберечь память о жизни дедов и прадедов. Память о корнях. Люди, такие негостеприимные и неласковые на первый взгляд, оказались полны понимания и душевного тепла. Я прошел у них настоящую школу добра...

Все предметы, поступающие в школьный музей, надо было тщательно описать, оформить документально. Свободного времени стало катастрофически не хватать. Однажды увидев, с каким трудом сын направился утром к умывальнику, Наталья Яковлевна жалостливо проговорила:

-Какую ношу навалил на себя, сынок? Зачем! У тебя и так забот полон рот... - Уходит, мама, прошлое. Сколько мы уже всего потеряли, - ласково ответил Николай Алексеевич.— Это надо не мне.

Ребятишкам, которые здесь живут. Для того, чтобы строить будущее, надо знать свое прошлое...

А бутаковским девчонкам и мальчишкам вся эта затея с музеем действительно была нужна. Вечерами Николай Алексеевич изучал музейное дело, совершая открытия лично для себя, щедро делился ими с учениками. Они тоже относились к новому делу очень серьезно. Выбрали директора музея, назначили научных сотрудников, заведующего фондами, экскурсоводов. Шестиклассники скрупулезно по всем музейным правилам

проводили инвентаризацию находок. Собранные орудия труда распределили по ремеслам — гончары, кузнецы, ткачи, сапожники, хлеборобы, пасечники, охотники. А сколько радости, искреннего чувства первооткрывателей приносила ребятам работа с расшифровкой старых кержацких слов. «Сосляк» — трепалка для льна. «Скальня» — приспособление для намотки ниток. «Бутылы» — сапоги из кожи с подвязками. «Ряшечка» — бочонок для медвяного напитка, Понемногу-помаленьку получался настоящий словарь. В летние каникулы Николай Алексеевич Зайцев повел своих ребят по ближним и дальним, укрывшимся в алтайской тайге, в горных распадках, деревушкам и селам. Старушки сначала настороженно относились к гостям, пугались незнакомого слова «экспонат». Но узнав, в чем суть дела, с удовольствием открывали свои старинные, окованные полосками жести сундуки, доставали бабушкины сарафаны, полотенца, искусно расшитые пояски. Трудность возникла, когда дело коснулось прадедовских икон, священных книг. Тут уж приходилось ребятам пускаться в ход всю свою дипломатию.

Когда после всех этих экспедиций посмотрели собранное, то немало удивились и сами. Результаты поражали. Около четырех тысяч старинных печатных и рукописных книг сейчас в фонде музея. Есть среди них настоящие редкости, книги, относящиеся к шестнадцатому веку.

Десятки самых разных икон собрали ребята в музейную коллекцию. Сорок две иконы отправили на реставрационные работы в Москву. После научной экспертизы оказалось, что половина из них написана мастерами шестнадцатого века и имеет большую ценность. С некоторыми находками связаны интересные истории, которые помнит Николай Алексеевич до сих пор. Особенно удачлив в поисках старинных книг и икон был Саша Яковлев. Произошел с ним такой случай. В деревне Орловка в углу захламленного чердака отыскал он большую черную от времени доску. Когда Николай Алексеевич осторожным движением стер с доски грязь, все увидели переливы красок тончайших тонов. Окончательно со всеми предосторожностями очистил икону в школе. И поразился. Умелой кистью была выписана группа суровых бородатых мужчин. Склонив друг к другу головы, они тихо о чем-то беседовали. Бородатые, с характерной стрижкой, они все были узнаваемы. И сейчас еще на Алтае часто можно встретить похожих стариков. Николай Алексеевич сделал еще одно осторожное движение, и четко проявились буквы — «Алтайская тайная вечеря».

Ребята долго рассматривали икону. Художник, наверное, родился где-то в здешних местах. «А вот этот на моего деда похож», — сказал кто-то из ребят.

Да, в душах большинства из бывших учеников преподавателя истории Николая Алексеевича Зайцева увлечение «музейной работой» оставило светлый, неизгладимый след. А для некоторых стало делом жизни. Саша Яковлев, который нашел доску с необычной иконой и десятки старинных книг, который увлекся этими делами с четвертого класса, теперь Александр Андреевич, заместитель директора областного этнографического музея по науке. Он закончил исторический факультет Усть-Каменогорского педагогического института. С восьмого класса стала заниматься в школьном музее Люда Семенова. Сейчас она старший научный сотрудник фондового отдела. Света Нечитайло тоже из Бутаковского школьного музея. Теперь она научный сотрудник.

— Они никогда не относились к нашей работе формально,— рассказывает Николай Алексеевич.— Это было настоящим увлечением, а может быть, даже страстью...

После знакомства с Николаем Алексеевичем Зайцевым понимаешь, что для него-то «музейное дело» истинная страсть. Сколько душевных сил, энергии, мужества, да просто человеческого терпения понадобилось ему, чтобы добиться признания. Нет, не признания своей личности, своих заслуг, а дела, которому посвятил жизнь.

Уникальность бутаковской коллекции школьного музея признавали ученые из Москвы, Ленинграда, Алма-Аты. Вот ступени, по которым пришлось «шагать», а точнее взбираться этому необычному для нашей республики музею. Сначала это был просто самодеятельный школьный музей. Потом ему присвоили звание народного. Наконец, он получил статус отдела Лениногорского историко-краеведческого музея. Дали даже штат — полторы единицы. И наконец, первого сентября 1978 года решением Совета Министров Казахской ССР и Восточно-Казахстанского облисполкома музей получил статус областного этнографического. Сказать, что все шло гладко? Нет, это далеко не так. Приходила к Николаю Алексеевичу за эти годы и смертельная усталость и глухое отчаяние. Как-то в один из таких дней он даже стал подумывать, а не продать ли коллекции Ленинградскому музею этнографии? Ему казалось, что там они будут целее. Тем более в предложениях приобрести коллекцию из Бутаково недостатка не было. Николай Алексеевичи понаслышке знал о судьбе многих маленьких коллекций из провинциальных музеев, рожденных энтузиазмом отдельных людей. Коллекции часто терялись, растаскивались, попадали в руки недобросовестных спекулянтов и фарцовщиков. — Но через себя я переступить не мог, - негромко говорит Николай Алексеевич. - Я понимал, как все это, собранное нами, нужно людям. И что лично для меня этнографическая коллекция не занимательное хобби, а сама жизнь... Как необходима людям память о прошлом подтверждают сотни отзывов в Книге для посетителей музея.

«Выставка уникальна. Прodelана большая работа исследователей, сохранен ценнейший научный материал. Такой коллекции нет ни в одном музее СССР». Доктор исторических наук С. Чернов.

«Чем больше будет развиваться этот прекрасный и богатейший музей в Бутаково, тем богаче будем становиться все мы. История народа, жизнь наших дедов — важнейшее звено в воспитании патриотизма советского человека, его любви к родной земле». Заместитель директора Всесоюзного Пушкинского музея Г. Прошин.

«Мы лучше стали понимать, как глубоки корни и как богаты традиции народного искусства».

«Интересные экспозиции увлекают воображение, заставляют интересоваться прошлой жизнью и искусством народа».

Сейчас главные силы этнографического музея переехали из небольшой деревни в областной центр Усть-Каменогорск. В Бутаково остался филиал. Тот родник, с которого все началось, не угас, не затянуло его тиной равнодушия.

Мы приехали в Бутаково утром в субботний день. Свернули с главной трассы и сразу очутились на деревенской улице. Полыхали вокруг осенним огнем леса. Трава под ногами, застывшая за ночь, похрустывала. Вокруг длинного приземистого здания музея несколько молчаливых мужиков ставили из свежих досок забор. На наш вопрос, открыт ли музей, ответили:

— А заходите в комнаты. Все и разъяснится...

Мы зашли за «разъяснением» в музей. Навстречу нам, доброжелательно улыбаясь, как улыбаются дорогим гостям, вышла молодая женщина. Так мы познакомились с еще одним соратником Николая Алексеевича Зайцева научным сотрудником Зинаидой

Федотовной Лопатиной. В голосе ее звучала неподдельная искренность:

— Здравствуйте, дорогие гости! Мы рады, что вы пришли познакомиться с нашим музеем...

Эта искренняя доброжелательность, даже радость за нас, что и мы теперь будем знать про замечательные, необыкновенные вещи собранные в Бутаково, виделись в каждом ее слове и жесте. Нет, это не было: профессиональным умением опытного экскурсовода. Много я их повидал за свою жизнь и у нас и за рубежом. В Зинаиде Федотовне чувствовалось радушие человека влюбленного в свое дело, и от этого искренне желающего передать частичку этого чувства другому человеку. Зинаида Федотовна Лопатина увлекалась своим рассказом сама и увлекала нас. Да честно говоря, и было чему удивляться. Мы даже забыли про свои корреспондентские блокноты из-за боязни что-то пропустить и не увидеть.

В нелегком ритме современной жизни, иногда больше похожей на бессмысленную суету, как часто мы забываем о не так уж и далеких прошлых временах. Как часто забываем свою родную землю. Свою глубинку. А увидев, бываем поражены и очарованы жизненным мастерством наших дедов и прадедов.

В музее Бутаково с большой любовью собраны изделия резчиков по дереву, создателей домашних гобеленов, чашки, плошки, кринки из глины, самодельные ткани. А вот стоят корзины из лозы. Поверьте, они не просто служили утилитарным целям. Говорят, что люди по манер плетения могли назвать фамилию мастера. Самые различные предметы изготавливали искусные руки из гибких прутьев ивы. Корзины, сундучки, детские погремушки, люльки, удобные кузова для тарантасов А работы из бересты! Нет, это требует специального исследования, отдельной статьи, а может быть, и книги. Большие и маленькие туески, чашки, емкости для меда, ковши для воды и кваса. И все эти замечательные вещи под мощным давлением ширпотреба уходят, вымирают, становятся не предметом нашего с вами быта, а музейными экспонатами. Такой порядок никак не устраивает Николая Алексеевича Зайцева. Ему принадлежит идея проводить при этнографическом музее семинары школьных учителей труда. Здесь их обучают приемам работы с лозой. Показывают, как лучше заготовить ивовый прут, каким инструментом ошкурить его, запарить для придания цвета и крепости.

Последний оставшийся в живых на всю Восточно-Казахстанскую область мастер работы

с берестой Павел Андреевич Никулин с удовольствием для всех желающих открывает на таких «семинарах» секреты своего древнейшего мастерства. Только учись! К сожалению, многие секреты народных промыслов уже безвозвратно утеряны. Здесь, в зале музея Бутаково на шее "кержачки" увидели мы бусы из крупного янтаря. Свет люстры тепло отражался

в желтых бусинах.

— Что — и янтарь местный? — удивился я.

— А это вовсе не янтарь, — улыбнулась Зинаида Федотовна. — Мы называем их «восковушки». Старинные мастера изготавливали их из пчелиного воска особым образом. По обычаю жених дарил такие бусы своей невесте. Она не снимала их даже в бане.

Считалось, что «восковушки» помогают человеку от многих хворей. Ведь на их изготовление шел и воск и прополис. За жизнь крупные бусины как бы иставали, впитывались кожей человека. И ценились они среди местных жителей очень высоко... Но все-таки самая богатая коллекция и самая любимая Николаем Алексеевичем это уникальное собрание расшитых цветными нитками полотенец и праздничных нарядных поясков.

Пояса эти совершенно особенные. Один такой поясок узорный ткала девушка неделями. Чаще всего с надписью иногда нравоучительной, иногда шутливой, а иногда такой искренней, полной любви, что вчитываешься и чувствуешь какое-то удивительное волнение. «Кого люблю, тому дарю». «Дарю сердечно, навечно». Или вот, вчитайтесь, как поэтично звучит: «Прекрасна красота твоя. Пленила и сокрушила добра молодца». А тут с шутливой угрозой: «Кто возьмет пояс без спроса, тот останется без носа. Ткала Акулина Васильевна Поланова». Вот так! На чужой пояс рот не разевай. А потом Зинаида Федотовна вывела нас из музейного зала и мы попали в сказочный, полный осенних красок, парк, который называют — «Садом корней». Среди его кустов, за деревьями в потайных уголках притаились удивительные скульптуры, вырезанные из корней деревьев. Создан этот «Сад корней» талантливыми руками поэта, художника, мастера-флориста Евгения Васильевича Курдакова. В одной из своих статей он писал: «Я никогда не пройду мимо пня, не осмотрев его. Пни выдают флористам вазы, крыловидные закатные отщепы, да и просто дупла, которые порой сами по себе так хороши, что ничего к ним не прибавишь...» Кого только здесь не встретишь! Вот «Князь

рыб» смотрит на тебя холодными, огромными глазами. Хохочет хитрющий «Гном». Сказочная «Избушка на курьих ножках» кажется сейчас качнется, заскрипит своими старыми суставами и повернется к тебе лицом, а к лесу задом.

Не только детям и взрослым нравятся эти чудесные скульптуры. Одну из них облюбовал дятел, сделал здесь свою мастерскую. Пустые шишки валялись на земле под скульптурой. Мы взяли по одной на память. Этот великолепный сувенир лежит сейчас передо мной на письменном столе. Шишка источает слабый аромат смолы. Закроешь глаза и кажется, что ты снова идешь по узкой тропе, а из-за куста загадочно посматривает на тебя «Белошный черт».

— А как сопротивлялись этому саду те, кто когда-то мешал Николаю Алексеевичу создавать этнографический музей, — говорит Зинаида Федотовна. — Ругали его за то, что он взялся не за свое дело, что «Сад корней» не имеет к этнографии никакого отношения. Словно не понимают некоторые, как важно воспитывать в людях любовь к прекрасному...

Да, эти «некоторые» не понимают. Какие-то корни, старые да еще иногда и треснутые горшки, стертые подковы, темные лики святых угодников. Зачем все это нам, современным, в эпоху роботов, компьютеров, космических кораблей, видеотехники?! Иначе откуда бы появились мысли у некоторых работников Лениногорского горисполкома выселить этнографический музей из Бутаково. Здание отобрать и отдать его под профессионально-техническое училище. И не хотят понять, вздуматься в тот факт, что тысячи людей едут со всей страны, чтобы посмотреть на здешнюю коллекцию. Чтобы прикоснуться к прекрасному, уходящему...

Вот это чиновничье непонимание идет за этнографическим музеем по пятам. Вроде бы и помогают коллективу. Вот выделили в областном центре старинный особняк. Когда-то в его апартаментах размещалась библиотека искусств. Здание обветшало до предела. В акте по этому поводу специальная комиссия записала, что оно находится в «аварийном состоянии». Полы прогнили и затрухлявили. Сантехники отключили водопровод. Отопление бездействовало. Работники музея (а штат невелик) не растерялись. Без лишних слов они засучили рукава. Все восстановили и сделали своими руками. Потом им передали здание областной библиотеки имени А. С. Пушкина. И опять работникам музея пришлось менять профессию. Они ремонтировали даже котельную. Долго боролся коллектив за то, чтобы им передали здание бывшего Мариинского училища. Оно по какому-то плану, составленному «в инстанциях», подлежало сносу.

— А то, что старинное здание одно из красивейших в городе, единственное в Усть-Каменогорске, которое упоминается в знаменитой энциклопедии Брокгауза и Ефрона, никого не трогало, — возмущенно рассказывает Николай Алексеевич и не без гордости добавляет: — Но мы общими силами отстояли здание. Именно в нем была открыта первая стационарная экспозиция... Около двух лет назад музей получил в свое пользование еще одно строение. Тоже довольно старинное. Строили его во времена первой мировой войны пленные чехи. В здании долгие годы «функционировал» ресторан с экзотическим названием «Алтай». Сейчас от ресторана остались только воспоминания. С какой удивительной фантазией приспособили его под нужды музея. Там, где кипели кухонные котлы, теперь зал антикварных коллекций. В шкафах для хранения посуды сверкают чистым стеклом витрины. В центральном зале сменяются передвижные выставки.

Чего стоили все эти «превращения» лично директору можно только догадываться. Ведь фондов у музея практически никаких нет. Краски, дерево, гвозди — все приходится доставать, изворачиваться, выпрашивать, ходить по кабинетам с протянутой рукой. Разве этим должен заниматься директор музея Николай Алексеевич Зайцев?

Мне не дает покоя его судьба. Останься он учителем, то наверняка стал бы прекрасным профессионалом. Как он, будучи сам еще мальчишкой, сумел увлечь учеников прекрасным делом. Объединить их, сделать коллективом. Какие сочинения они писали по необычным заданиям своего учителя! Многие помнят эти темы и по сей день. «Как мой дедушка сеял хлеб». «Описание старообрядческой иконы». «Сапожное ремесло в селе Бутаково». С каким увлечением собирали ребята «материал» для своих сочинений, выпрашивая дедушек и бабушек о старинных обычаях и обрядах, Перед ними открывалась жизнь родных, жизнь деревни в ином свете, с иным смыслом.

Да, Николай Алексеевич Зайцев смог бы стать хорошим педагогом, но не стал им. Ему, как и Владиславу Борисовичу Николаеву, посчастливилось встретить в жизни свое дело. То единственное, которое наполняет твои дни настоящим смыслом, которое ставит перед тобой большую цель. Поэтому я и задал вопрос, почему талантливым людям часто приходится размениваться на хозяйственные заботы, на выбивание гвоздей, на входящие и исходящие бумаги, на казенные запросы и ответы. Одно время за работу этнографического музея крепко взялись различные проверяющие органы. Как же, посыпались анонимки! Пакостные письма обязательно надо было проверять. Нашлись такие, кто не мог поверить в то, что человек тащит такой воз бескорыстно, работает за небольшую зарплату. И оскорбляли подозрениями, выбивали из колеи нелепыми вопросами, дергали по пустякам. Как трудно у нас еще верят в добрые побуждения, в

чистоту помыслов. Многие сейчас подзабыли, как в 1972 году Николая Алексеевича пригласили в Ленинград на юбилейные чтения, посвященные 50-летию образования СССР. С почетной трибуны он прочитал доклад: «Материальная культура русских старообрядцев Восточного Казахстана конца прошлого-начала текущего столетия». Здесь в Ленинграде неизвестный ученому миру учитель из далекой деревушки продемонстрировал древнюю соху. Среди специалистов она произвела настоящую сенсацию. Дело в том, что соха с Рудного Алтая была необычной. Она имела не вертикальный лемех, как все, а горизонтальный. Соха, которую демонстрировал Зайцев, была признана одним из самых старых известных науки орудий русского пахаря. На мой вопрос, работает ли он сейчас хотя бы над кандидатской диссертацией, Николай Алексеевич с какой-то отчаянной бесшабашностью махнул рукой и засмеялся. Какое там! Столько конкретных дел! Подтвердить, что действительно Николай Алексеевич Зайцев человек конкретного дела. Нет, он не обуюн абстрактной эдакой эстетической любовью ко всему "народному".

У него любовь, действительно, конкретная. Я бы даже сказал, очень деловая любовь. Мечта, чтобы к прекрасному часто погибающему из-за равнодушия к родному искусству прикоснулось как можно больше людей, владеет его помыслами. Вот сувениры... Но что такое, наконец, сувениры? Эти поделки, чаще всего откровенно халтурные, на уровне пресловутого клича забили витрины отделов и даже специальных магазинов. Они накапливаются в наших квартирах. Тусклая пластмасса, железки, листы штамп-чеканки, больше подходящие для покрытия дач, чем для украшения наших жилищ. А где же настоящие оригинальные работы народных умельцев? - Почему нет ничего своего самобытного? Присущего, например, только нашей области? - задает вопрос Николай Алексеевич. — Где цветной камень, замечательный материал кап, береста, лоза? Где хлебницы лукошки, сумки, корзинки из бересты? Но как же трудно пробить все это в жизнь. У многих опустились руки. Но не у Николая Алексеевича Зайцева. Он начинает с того, что в музее создает отдел народных промыслов и ремесел. Задача отдела возродить и сохранить еще живущие сейчас на Рудном Алтае редкие ремесла. Нужность этого дела подтверждает количество людей посещающих выставки народных мастеров— ткачей, гончаров, кузнецов, резчиков. Я уже говорил, что здесь же существуют семинары для учителей труда. А "День мастера", который тоже проводят музейные работники, становится настоящим праздником труда. С каким восхищением следят глаза, особенно детские, когда на гончарном круге вдруг рождается из бесформенного куска глины изящный кувшин или из охапки прутьев вдруг появляется крепенькая, гладкая, легкая корзинка. Воистину, лучше один раз увидеть, чем сто — услышать. Уверен, что у многих появится желание научиться, попробовать себя в новом деле. Исходя из вышеизложенных соображений, Николай Алексеевич предложил проводить в музее в специально отведенном антикварном зале вечера-встречи за горячим самоваром. Вечера эти быстро обрели название «самоварники». На этих вечерах выступают с оригинальной программой трио «Беловодье» и фольклорная группа «Ладушки».

И уж кажется, на первый взгляд, совсем не своим делом занялись музейные работники, когда поставили на одном из своих «самоварников» проблему качества хлеба, выпекаемого в Усть-Каменогорске. Хлеб в городе невкусный. Очень много его идет в отходы. Большое количество жалоб на качество хлеба стало в областном центре плохой традицией. Поэтому на «самоварник» в антикварную комнату специально пригласили тех руководителей, которые занимаются в городе хлебом. Для них музей приготовил необычный сюрприз. Сотрудники перед этим проехали по многим деревням и селам области, искали мастериц, которые славились умением домашней выпечки.

— Да и мама моя, Наталья Яковлевна, показала высокий класс, — улыбается Николай Алексеевич. — Она и хлеб замечательный до сих пор печет. А уж пироги ее румяные да пышные... Действительно, пальчики оближешь... Старые мастерицы охотно откликнулись на призыв сотрудников музея. Они напекли к «самоварнику» всякого-разного столько, что для приготовленного не хватило стенда. Отдельной, довольно жалкой кучкой лежало семь изделий фабричной выпечки, что нашли в этот день на прилавках городских булочных.

Директор хлебокомбината долго оправдывался, почему они так невкусно кормят горожан. Мастерицы предлагали открыть фирменный магазин, брались поработать, передать секреты молодым.

Я держу в руке небольшую резную доску. Дерево тщательно отшлифовано. Каждый узор вырезан талантливой и доброй рукой. Кажется, что доска с узорами греет мне ладонь. Я чуть поворачиваю досочку и читаю вязь букв — «Усть-Каменогорский пряник». Да, было время, когда алтайский пряник, испеченный из теста, замешанного на местных ароматных медах, славился далеко окрест. Вот и решили в музее воскресить эту славу. Умельцы изготовили «печатные доски». Пряники, выпеченные по форме этих досок, были красивы и вкусны.

«Печатные доски» передали хозрасчету № 7 Горпищеторга. Областная газета «Рудный Алтай» оптимистически написала: «Печатные пряники, которые когда-то пекли в наших деревнях, вскоре появятся на чайных столах горожан». Но не появились. Никто не захотел по-настоящему взяться за дело, организовать, наладить фабричную выпечку пряников. Так и заглохла эта добрая инициатива. Наученный горьким опытом «пустых» контактов с хозяйственниками, Николай Алексеевич Зайцев сейчас весь в планах открыть в одном из старых особняков фирменное кафе. Не простую точку пищеторга. Кафе по замыслу должно стать культурным центром. Народная кухня. Чай, заваренный на знаменитом алтайском разнотравье. Квасы разные. Печатные пряники. При кафе

небольшой выставочный зал для мобильных экспозиций.

— Кафе ни в коем случае не будет «забегаловкой», — уверенно говорит Николай Алексеевич. — Пусть за его столиками собираются люди поистине интеллигентные. Им есть о чем поговорить между собой... Но все это, так сказать, дела и заботы сопутствующие. Есть у работников этнографического музея и главная мечта, Большое Дело. Я не напрасно написал эти два слова с большой буквы. Задуманного ими музея пока нет не только в Казахстане, но и во всей Средней Азии.

На левом берегу Иртыша определена и выделена площадка в тридцать гектаров. Здесь под открытым небом и расположится необычный музей. «Синтез архитектуры и этнографии», как определил его сверхзадачу сам Николай Алексеевич Зайцев. В этом году с приходом весеннего тепла поставят на участке первый старинный дом. Его специально привезли из дальнего района села Урыль и сложили временно под навесом.

Разыскала дом заведующая отделом народной архитектуры Татьяна Петровна Бочарова. Она человек удивительно преданный своему призванию. Вдвоем со столяром-краснодеревщиком Андреем Жуковым они разобрали этот дом, сложенный из вековых стволов. Татьяна Петровна до того намаялась с этой далеко не женской работой, что, вернувшись в Усть-Каменогорск, зашла в кабинет Зайцева и расплакалась. — Ну, бросила бы ты это дело, — успокаивал ее Николай Алексеевич. — Подождала бы бригаду... — Как же я могла бросить красивый дом? — возразила Татьяна Петровна. — А вдруг с ним за это время что-то бы случилось... Работники музея изъездили весь свой край в поисках зданий старинной архитектуры. Под руководством Татьяны Петровны был составлен детальный свод памятников деревянного зодчества. Подкрепляют «свод» многочисленные фотографии, чертежи. На этой основе и разработана программа создания необычного музея. Станут экспонатами таежные заимки, старинные пасеки, охотничьи сторожки, кузницы, бани, воскобойни, мельницы, лавка купца, здание почты, амбары, колодцы, Поднимет колокольню на территории музея и небольшая древняя церковь. За один день в музее можно будет побывать и в кочевом казахском ауле, в таможне, старообрядческой деревне, казачьем поселении. Есть у Николая Алексеевича Зайцева и еще одна мечта, очень личная. Ходит по Рудному Алтаю полуфантастический рассказ о том, что будто бы в каком-то старинном ските в долине реки Убы хранятся две библии, отпечатанные еще самим Иваном Федоровым. Мне почему-то кажется, что эти книги будут найдены. А отыщет их именно Николай Алексеевич Зайцев. Очень мне хочется верить, и я верю, что таким людям должна сопутствовать удача. Они заслужили ее. Да, уж если честно говорить, она им и сопутствует...

Валерий Буренков, 1988 г.